

J. Sokolow Bessie u acnemurecni
ugawro...

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH I
BIBLIOTEKA
70-330 Warszawa, ul. Nowy Świat
Tél. 26-68-00

Весна и народный аскетический идеаль.

(Къ исторіи духовнаго стиха „Разговоръ Іоасафа съ пустыней“).

Народный духовный стихъ большею частью имѣетъ свой первоисточникъ въ книжной литературѣ, но перейдя въ народное обращеніе онъ подчиняется всѣмъ законамъ развитія, какіе руководятъ жизнью народнаго устнаго творчества. Онъ не застываетъ въ опредѣленной формѣ навсегда, но постоянно живетъ, измѣняется, варьируется, сокращается или наоборотъ разрастается, постоянно находится въ движеніи, въ непрерывномъ процессѣ творчества. Но что руководитъ этимъ творчествомъ, что заправляетъ имъ?

„Преобладаніе процессовъ ассоціаціи представленій надъ мыслью творческой или по крайней мѣрѣ претворяющей данный запасъ образовъ и представленій, подсказанныхъ книжнымъ источникомъ, кажется намъ — говоритъ Батюшковъ въ своей книгѣ „Споръ души съ тѣломъ“¹⁾ — характерною чертой простонародныхъ переѣвовъ духовныхъ стиховъ“. Въ общихъ чертахъ съ этимъ положеніемъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, бессознательными ассоціаціями, особенно при машинальномъ и невнимательномъ воспроизведеніи духовныхъ стиховъ пѣвцами, объясняется смѣшеніе одного стиха съ другимъ; оно происходитъ часто изъ-за случайнаго сходства образа или выраженія и вообще той или другой близости содержа-

¹⁾ О. Батюшковъ. Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы. Спб. 1891, стр. 143.

24.058

нія въ обоихъ стихахъ ²⁾). Кромѣ того, причины чисто механическаго характера, какъ, напр., случайный пропускъ строчки, искажая мысль и содержаніе, или создавая неясность, содѣйствуетъ новому осложненію стиха; такъ, напр., въ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ вслѣдствіе пропуска строчки, въ которой обозначалось, кому принадлежать слѣдовавшія дальше слова, эти слова были вложены въ уста уже не Христа, какъ слѣдовало бы, а были приписаны тѣлу ³⁾). Изъ-за этого создается діалогъ между душою и тѣломъ. Перемѣна интонаціи, а, слѣдовательно, измѣненіе оттѣнка мысли, также влечетъ за собой новыя измѣненія стиха. Такъ, напр., въ стихѣ о „Страшномъ Судѣ“, начинающемся словами: „Плачуся и ужасаю, Егда онъ часъ помышляю“ — относительное мѣстоименіе, понятое въ смыслѣ вопросительнаго, также создало діалогъ ⁴⁾). Такимъ образомъ, можно сказать, что духовный стихъ въ народной передачѣ измѣняется и осложняется преимущественно вслѣдствіе невольнѣ сознательнаго отношенія пѣвцовъ къ произведенію.

Но съ другой стороны нельзя не ограничить мысли Батюшкова. Мы встрѣчаемся съ явленіемъ обратнымъ. У нѣкоторыхъ пѣвцовъ зачастую наблюдаются попытки сознательнаго осмысленія той или другой неясности въ духовномъ стихѣ. Осмысленіе это выражается въ переимѣнѣ оттѣнка выраженія, иногда въ новомъ образѣ, въ новой картинѣ, и въ другихъ разнообразныхъ способахъ объясненія. Такой процессъ, какъ и предыдущій ему обратный, въ постепенномъ развитіи духовнаго стиха, мнѣ кажется, можно видѣть на примѣрѣ духовнаго стиха, одного изъ наиболѣе поэтическихъ — „Разговоръ Іоасафа съ пустыней“.

Въ связи съ именемъ Іоасафа существуетъ до 11 отдѣльныхъ группъ духовныхъ стиховъ ⁵⁾). Каждая изъ нихъ имѣетъ

---

²⁾ *Ив.*, стр. 143. „Стихъ Богородицѣ“ (Бзс. V, № 480 и сл.) смѣшивается со стих. о Страшномъ Судѣ.

³⁾ *Ив.*, стр. 135 и 137. Стихи Кирѣевск. № XXIV и Варенцовъ, стр. 144—148.

⁴⁾ Стих. Бзс. № 443, 444 и 441 сравни съ №№ 348—454 и сл.

⁵⁾ Перечисленіе ихъ смотри у Киричникова. Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ 1876,

свою особую исторію. Въ настоящей замѣткѣ я коснусь только двухъ стиховъ: „Пѣснь Іоасафа, когда вышелъ въ пустыню“ и связываемаго по своему происхожденію съ нею „Разговора Іоасафа съ пустыней“.

За первоначальное ядро „пѣсни Іоасафа“ А. И. Кириичниковъ⁶⁾ считаетъ пѣсню, напечатанную на последнемъ листѣ Ку-теинскаго изданія 1637 года „Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ“, или, по крайней мѣрѣ, текстъ очень къ ней близкій. Насколько можно судить по краткому протоколу засѣданія XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ⁷⁾, проф. А. П. Кадлубовскій болѣе категорично говорить о пѣсни печатнаго изданія, какъ первоисточникѣ стиха. Напомню ея текстъ:

Прійми мя пустыни
яко мати чáдо своё
во тихое и безмолвное нѣдро свое:
ѡбѣгшаго ѡ лукавымъ блудница мира сегó.
О прекрасная Пустыни,
возлюбихъ бо тя паче царскихъ чертогъ
и позлащенныхъ полатъ:
не брани пустыни страшилищы своими.
Вѣтвіе твое зелéное,
движущееся отъ воздуха малыхъ вѣтровъ,
и пойду въ лузѣ по красному твоему винограду.
и буду яко дивій звѣрь

стр. 183—187, и въ статьѣ Кириичникова о духовныхъ стихахъ въ „Исторіи русской словесности“ Галахова, изд. 2-е, М. 1880 г., стр. 234—237. Къ перечисленнымъ въ последней статьѣ шести отдѣльнымъ стихамъ надо прибавить еще пять: 1) Неотмѣч. Кириичниковымъ Бзс. № 59, т. с. 2-е риемов. стихотвореніе Московскаго изданія Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ въ 1681 г. Проф. В. Н. Перетцъ (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. Спб. 1900 г., стр. 398) указываетъ на отдѣльное его существованіе въ рукописи; 2) стихъ напечатанный въ Смоленскомъ сборникѣ Добровольскаго, часть IV, стр. 666; 3) большой стихъ (изложеніе былиннымъ складомъ повѣсти?), записанный въ Зимней Золотицѣ А. В. Марковымъ, а также 4) и 5) стихи рукописные, отмѣченные проф. Перетцемъ о. с. на стр. 398—399 подъ №№ 11 и 12.

⁶⁾ Галаховъ, стр. 234.

⁷⁾ Извѣстія XIV Археол. Съѣзда въ Черниговѣ. 1908 г. 1—15 авг., стр. 123. Рефератъ проф. А. П. Кадлубовскаго „Къ литературной исторіи русскаго духовнаго стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ“.

единъ скитаяся и бѣгая человекъ,
и многомятежныя сея жизни,
сѣдя, плача, и рыдая
во глубокомъ и дикомъ нѣдрѣ твоемъ.

Ⓐ Христе всѣхъ Цр̑ю,

Не лиши мене небеснаго царствія твоего.

Нѣкоторые рукописные тексты, какъ, напр., текстъ Θεодоровской рукописи Бзс. № 64, развили ея краткое содержаніе.

Изъ этой же пѣсни, въ ея уже, быть можетъ, распространенной формѣ, развился и народный стихъ „Разговоръ Іоасача съ пустыней“⁹⁾. При чемъ нѣкоторыя детали пѣсни перешли почти безъ имѣненія¹⁰⁾, другія были развиты¹¹⁾ и сверхъ ихъ

⁹⁾ Текстъ, между прочимъ, перепечатанъ у Бзс. № 67. Рукоп. вар. Бзс. № 64, 65, 66, 68, 177 и 178; устн. 61, 62, 63. Много рукоп. вариантовъ извѣстно проф. Перетцу, о. с., стр. 398.

⁹⁾ Перечисленіе вариантовъ „Разговора“ см. ниже, примѣчаніе 16-е.

¹⁰⁾ Сравни, напр.:

„Прими мя пустыни
Яко мати свое чадо“

(Пѣснь, Бзс. № 67).

„Не брани пустыни
Страшилищи своими“ (ib.).

„Научи мя на все благо“
(Пѣснь, Бзс. 64).

„Восприми меня пустыня —
Яко матеръ своего чаду“

(Разговоръ, Бзс. № 52).

„Не страшай меня мати пустыня
Со великими со страстями“
(Разговоръ, Бзс. № 60).

„Научи мя на все благо“
(Разг., № 57) и

„Научи меня пустыня
Все на добрыя дѣла“

(Разг., № 52).

Послѣдняя параллель свидѣтельствуетъ, что „Разговоръ Іос. съ пустыней“ развился не изъ пѣсни непосредственно, а изъ текста болѣе близкаго къ рукописи Θεодоровской (№ 64).

¹¹⁾ Въмѣсто фразы: „Возлюбихъ“ бо ты паче царскихъ чертогъ и позлащенныхъ полатъ“ (№ 67) въ „Разговорѣ“ мы находимъ болѣе подробное описаніе тѣхъ богатствъ, которыя царевичъ покидаетъ:

„Кому владѣть твоимъ царствомъ,
Твоею бѣлой каменной полатой,
Твоею золотою казною?“ (№ 49).

Подобное же постепенное распространеніе детали стиха мы можемъ видѣть на сравненіи описанія красоть пустыни хотя бы въ слѣдующихъ 4-хъ вариантахъ (Бзс. 67 и 64 — „Пѣсня“, и Бзс. 60 и 52 — „Разговоръ“):

№ 67. „И повду въ лузѣ по красному твоему винограду
Вѣтвіе твое зеленое
Движущееся отъ воздуха малыхъ вѣтровъ“.

прибавлены новыя ¹²⁾, частью изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Наконецъ, появившійся діалогъ, по справедливому замѣчанію Кирпичникова ¹³⁾, развился изъ фразы въ „Пѣснь Іоасафа“: „Не брани пустыня страшилищи своими“, употребляющейся въ народныхъ стихахъ въ видѣ: „Не стращай меня пустыня со великими со страстями“ и т. подобн. Потому что — разъ говорится „не стращай“ — легко было заставить пустыню стращать. Въ діалогъ и дѣйствительно она застращиваетъ Іоасафа различными горестями и трудностями своей жизни.

Возобновлю въ памяти духовный стихъ „Разговоръ Іоасафа съ пустыней“.

Къ пустыньѣ приходитъ младъ царевичъ Іоасафій и просить её пустить его къ себѣ:

Возлюбленна мати пустыня!
Да прими меня и отъ юности,
Отъ юности отъ прелестныя! (Бзс. № 48).

№ 64 (Өед.) „Егда пойду въ твои лузи
Зрѣти различныя цвѣты
Дивенъ бо ся твой прекрасный садъ.
И жити въ тебѣ всегда радъ.
Древа, цвѣты кедровыя
И листьѣ зеленое
Зыблютъ бо ся и безъ вѣтра
Проводятъ шума два лѣта“.

№ 60. „Мнѣ не нужно ни саду, ни винограду —
Буйны вѣтры завиютъ.
Будутъ листьѣ шумѣти
Съ ними буду говорити“...

№ 52. „Разгуляюсь я младъ юноша
Сынъ Іоасафа царевичъ.
Во зеленой во дубравѣ
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думу думати.
На древахъ есть мелкія листьѣя]
Со мной стануть говорити,
Прилетятъ птицы райскія
Станутъ распѣвати“ (Эту картину я ниже называю формулой А).

¹²⁾ Упомянутыя о гнилой водѣ, отсутствіи хорошей пищи. Есть въ стих. № 45 и № 50 вставки, сдѣланныя подъ влияніемъ ознакомленія пѣвцовъ съ „Повѣстью“. См. Кирпичн. Греч. романы etc., стр. 186.

¹³⁾ Галаховъ, стр. 235, примѣч. 4-е.

Но пустыня отклоняетъ его желаніе, указывая на трудности пустынного житія.

Ты премладой царевичъ Іасафій!
Не служишь же тебѣ,
Царю, во пустыни:
Мы питаемся во пустыни
Мы еловою корою,
Мы пьемъ во пустыни
Мы болотную воду.
Что нѣту у насъ
Царскова ѣства,
Что нѣту у насъ
Сладкихъ напитковъ (Бзс. 48).

Царевичъ отвѣчаетъ, что эти лишенія для него не страшны:

Возлюбленна мати пустыня!
И я радъ елову кору ѣсти
И я радъ болотну воду пити,
Ино есть во нашей во пустыни
Лучше царскіихъ ѣстwowъ.

Въ очень многихъ вариантахъ пустыня говоритъ:

У меня нѣту во пустынь,
Негдѣ тебѣ разгуляться,
Негдѣ тебѣ думу думати.

На это Іоасафій отвѣчаетъ, что онъ разгуляется по зеленой дубравѣ, будетъ разговаривать съ листьями, а птицы своими пѣснями будутъ его утѣшать (см. выше примѣчаніе 11-е, цитата изъ Бзс. 52, т. е. формула А). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ пустыня напоминаетъ Іоасафу про его вольное царство и богатства, и спрашиваетъ, неужели ему не будетъ жаль съ ними расстаться?

Ты молодой царевичъ Асафей!
Не жить тебѣ во пустынь.
Кому владѣть вольнымъ царствомъ,
Твоею бѣлой каменной палатой,
Твоею золотой казною? (Бзс. № 49).

Іоасафій увѣряетъ, что ему не дороги мірскія богатства —

Хощу пребывать во пустыни.
Я радъ на тебѣ работати
Земные поклоны исправляти.

Тогда въ видѣ послѣдняго аргумента пустыня возражаетъ.

Ты молодой царевичъ Асафей!
Не жить тебѣ во пустыни:
Какъ придетъ весна та мать красна,
И лузи, болоты разольются,
Древа всё листьями одѣнутся,
Воспоютъ птицы всё райски,
А ты изъ пустыни вонъ и выйдешь,
Меня мать прекрасную покинешь...

Царевичъ опять увѣряетъ, что ничто не заставитъ его покинуть пустыню. Въ заключеніе пустыня вѣнчаетъ его вѣнцомъ и пускаетъ его къ себѣ...

Если повнимательнѣе вчитаться въ изложенный духовный стихъ, можно будетъ замѣтить одно непонятное мѣсто, именно, только что приведенный послѣдній аргументъ пустыни. Почему въ расцвѣтѣ природы, именно въ то время, когда пустыня („прекрасная лѣсовая“, или по другимъ вариантамъ — „зеленая дубрава“) еще болѣе станетъ прекрасной — Иоасафій долженъ будетъ покинуть ее? Этотъ аргументъ пустыни, которая по своей роли должна „стращать“ Иоасафія своими страстями, а не, какъ здѣсь, воспѣвать свои красоты, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, не ясенъ. Что онъ не былъ вполне понятенъ народу, на это указываютъ различныя его осмысленія, которыя находимъ въ отдѣльныхъ вариантахъ.

Въ большинствѣ вариантовъ, въ которыхъ упоминается о наступленіи весны, — весна, видимо, понимается такъ же, какъ толковалъ этотъ образъ Ѡ. И. Буслаевъ¹⁴⁾, именно въ смыслѣ прекрасной *соперницы*, которая должна будетъ отвлечь отъ пустыни Иоасафія царевича. Такъ въ стихѣ Бзс. № 48

---

¹⁴⁾ См. Буслаевъ. Историческіе очерки, II, стр. 89, также цитату изъ Буслаева въ Исторіи русскаго искусства Новицкаго, т. I, стр. 126. Кирпичниковъ въ „Греческ. ром.“ стр. 186 отъ толкованія этого мѣста въ стихѣ видимо уклоняется, такъ какъ объясняетъ уходъ царевича по единственному варианту № 57—жалобными пѣснями кукушекъ. См. ниже,

Пустыня ему отвѣчала:
„Премладой царевичъ Іоасафій!
И придѣтъ весна красная,
Одѣнутся деревья всѣ
Райскими листьями,
Запоютъ всѣ птички
И архангельскими голосами —
Ты изъ меня пустыни вонъ повидеешь,
Ты меня пустыню покинешь“.
— Вѣщаетъ младъ царевичъ Іоасафій:
„Ты возлюбленна мати пустыня!
Хоть придетъ весна красная,
И одѣнутся деревья
Райскими листьями,
Запоютъ *хоть* птицы
И архангельскими голосами,
И я изъ пустыни вонъ не выйду,
И тебя, мати пустыня, я не покину“.

Здѣсь двумя уступительными союзами — *хоть, хоть* дается понять, что, несмотря на весь соблазнъ уйти, царевичъ не уйдетъ изъ пустыни. Видимо, весна поднимается, какъ какая то соблазнительница, которая должна будетъ отвлечь отшельника изъ пустыни.

Еще болѣе ясно проявляется такое пониманіе весны въ стихѣ Бзс. № 50. Отвѣчая пустынь, Іоасафъ говорить:

Хоща придетъ матъ весна красная,
И лужья болота разольются,
И древа листьями одѣнутся,
И запоютъ птицы райски
Архангельскими голосами —
Не прельщусь я на всѣ благовонныя цвѣты,
Обращу я свои власы
На могучія плечи,
И не буду взирать я на вольное царство.
Изъ пустыни я вонъ не изыду
И тебя, матъ прекрасная, не покину.

Такимъ образомъ изъ этого варіанта явствуетъ, что весна, дѣйствительно должна будетъ прельстить царевича своими ароматными цвѣтами, должна будетъ своимъ расцвѣтомъ заставить

его взирать на свое вольное царство. Она, такъ сказать, приподымаетъ жизнерадостность царевича, и этимъ отвлечетъ его отъ аскетическихъ подвиговъ, заставитъ въ силу этой жизнерадостности снова думать о своемъ царствѣ вольномъ, тосковать по веселой жизни.

Придетъ лѣта весны красныи,
Задвѣтутъ цвѣты прекрасныи,
Разольются воды майскія,
Запоютъ птицы райскія, —
Вспомянешъ житѣ царское,
Вспомянешъ, воспоешься,
Ты въ пустынь соскучишься,
Ты тогда со мной разлучишься. (Списано А. В. Марковымъ съ ркп. XVIII в. Рум. Муз. № 3435, л. 45—48).

Но царевичъ приметъ мѣры, не поддастся искушенію. Онъ усилитъ свое аскетическое рвеніе.

Еще сильнѣе, чѣмъ Вэс. 50, заявляетъ о своей борьбѣ съ весеннимъ настроеніемъ Іоасафъ въ № 53.

Не страдай меня пустыня
Ты великими страстями,
Придетъ теплое лѣто,
Разольются усѣ рѣвки
По мхамъ по болотамъ.
Одѣнется усякое древо —
Отрошу я свой волосъ
По могучія плечи.
Отпущу свою бороду
По бѣлыя груди.
Я не дамъ своимъ вочамъ
Отъ себе далече зрѣти,
Я не дамъ своимъ ушамъ
Отъ себе далече слышать.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что рассказъ о подвигахъ царевича (отрошеніе волосъ, для того, чтобы далеко отъ себя не видѣть и не слышать) есть результатъ новаго ознакомленія пѣвцовъ съ самою повѣстью о Варлаамѣ и Іоасафѣ¹⁵⁾. Такимъ

---

¹⁵⁾ Кирпичниковъ. Греч. романы etc., стр. 186.

образомъ книжный источникъ содѣйствовалъ осмысленію неяснаго мѣста въ стихѣ въ сторону строгаго аскетизма.

Но не всеѣмъ пѣвцамъ было понятно такое утонченное и очень неясно выраженное толкованіе весны, какъ соперницы по отношенію пустыни, какъ соблазнительницы, измѣняющей настроеніе пустынника. Поэтому въ стихѣ № 57 мы встречаемся съ новымъ, болѣе конкретно выраженнымъ объясненіемъ, почему Іоасафій долженъ будетъ покинуть весною пустыню:

Какъ придетъ весна красна
Налетятъ съ моря кукушки
Онѣ станутъ коковати,
Жалобно будутъ причитати,
А ты станешь тосковати,
А ты станешь жалобно плакати.

Но все таки, по моему, все приведенные варианты представляютъ уже позднѣйшія осмысленія, и, на мой взглядъ, въ первоначальномъ текстѣ народнаго стиха-діалога, эта деталь съ упоминаніемъ весны существовала не въ такомъ видѣ.

Въ первоначальныхъ текстахъ „Діалога“ весна понималась, мнѣ думается, *не въ смыслъ соперницы-соблазнительницы*, а скорѣе какъ одно изъ украшеній, радостей пустыни, ея достоинствъ. А если такъ, то *слова о наступленіи весны должны были первоначально принадлежать не пустыни*, которая должна по своей роли „стращать“, а *Іоасафію*, который, по плану стиха, все время восхваляетъ ея достоинства.

Мое предположеніе, мнѣ кажется, можно подтвердить слѣдующими доказательствами:

1) Прежде всего, если по первоначальной идеѣ стиха красота природы, весны считалась бы явленіемъ соблазнительнымъ, пренятствующимъ подвижнической жизни аскета, то мы встрѣтились бы *съ крупнымъ противорѣчіемъ* принципіальнаго характера. Именно, вѣдь въ томъ же „Разговорѣ Іоасафа съ пустыней“ мы встрѣчаемся со слѣдующимъ діалогомъ: Пустыня въ рядѣ утрашеній говоритъ:

У меня то въ пустынь

Негдѣ тебѣ разгуляться,
Негдѣ тебѣ думу думати.

Гоасафъ въ отвѣтъ на это восхваляетъ красоты пустыни, которыя должны будутъ удержатъ его въ ней.

Разгуляюсь я младъ юноша
Сынъ Гоасафа царевичъ
Во зеленой во дубравѣ.
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думу думати.
На древахъ есть мелкія листьа —
Со мной стануть говорити.
Прилетятъ птицы райскія
Стануть распѣвати,
Меня будутъ потѣшати,
Христа прославляти.

Такимъ образомъ изъ приведеннаго слѣдуетъ, что, по мнѣнію пѣвцовъ, красота природы не есть ничто грѣховное, отрицательное. Она не противорѣчитъ идеалу отшельника. Наоборотъ, говорится, что отшельникъ будетъ *со всею природою Христа прославлять*.

2) Эта картинка дубравы, съ шумящими листьями и райскими птицами и вообще описаніе красоты пустыни не есть позднѣйшее наслоеніе въ стихѣ. Этотъ сюжетъ исконный для „Разговора“, такъ какъ сравненіе текстовъ показываетъ, что этотъ сюжетъ, эта формула, которую мы условно называемъ А, перешла еще изъ „Пѣсни Гоасафа“, легшей въ основу „Разговора Гоасафа съ пустыней“.

3) Сравненіе словъ пустыни о веснѣ (эту формулу мы называемъ В), съ только что приведенной исконной формулой А (слова Гоасафа о красотѣ пустыни) можетъ привести къ выводу, что формула В есть только распространеніе формулы А: въ обѣихъ говорится одинаково о деревьяхъ, о листьяхъ, о прилетныхъ птицахъ райскихъ. Въ формулѣ В добавлено только, что разольются лужья болота и опредѣлено время: весна или, по другимъ вариантамъ, лѣто.

4) Въ большинствѣ вариантовъ, обѣ формулы вмѣстѣ не

употребляются ¹⁶⁾. Слѣдовательно, одна замѣняетъ другую. Только въ двухъ вариантахъ онѣ находятся обѣ, именно въ № 53 (очень компилятивномъ) и № 57 (ркп.), гдѣ формула В приписана къ концу текста, можетъ быть, подъ вліяніемъ другого перепѣва.

5) Наконецъ, пятымъ доказательствомъ, что первоначально весна понималась не какъ отрицательное явленіе для аскета, не какъ соблазнъ, а наоборотъ, какъ достоинство пустынножительства, какъ дозволенная утѣха для отшельника, и поэтому должна была пониматься въ рѣчи Іоасафа, а не въ рѣчахъ пустыни—служить новый, записанный мною прошлымъ лѣтомъ въ Новгород. губ. (отъ Карпова, кр-на д. Никольское Пунемской волости Кирил. у.) вариантъ стиха, къ сожалѣнію, неполный, гдѣ рѣчь о веснѣ дѣйствительно вложена въ уста Іоасафа, такъ что замѣняетъ вполне формулу А. Іоасафъ говорить:

Когда придетъ весна тихо-красная,
Когда древа листомъ одѣнутся,
Тогда я выйду (поним., въ пустыню) навеселюсе.

Что здѣсь слово „выйду“ понимается, какъ „выйду *изъ пустыню*“, ясно хотя бы изъ заглавія „Пѣсни Іоасафа“: „Пѣснь Іоасафа когда вышоль на пустыню“.

Но какъ же могло произойти то, что въ народныхъ перепѣвахъ были перепутаны рѣчи: слова одного персонажа вложены въ уста другого?

По моему, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ нибудь изъ тѣхъ безсознательныхъ процессовъ творчества, или просто случайныхъ искаженій, о которыхъ я поминалъ въ началѣ настоящей замѣтки. Можно, напр., предполагать, что выраженіе „выйду навеселюсе“ было понято: выйду изъ пустыни. Получалась несообразность: Іоасафъ въ одно и то же время хочетъ остаться

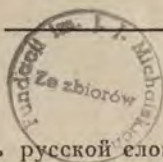
¹⁶⁾ О веснѣ говорится только въ вариантахъ: Бзс. №№ 46, 47, 48—устн., 49 (ркп.), 50 (устн.), 54 (съ присоединеніемъ мотива стиха о Пятицѣ) и ркп. Рум. Муз. № 521, л. 326—27, выписанный А. В. Марковымъ. О веснѣ не поминается, но приводится формула А: въ Бзс. №№ 51, 52, 55—устн., 56 (ркп.), 58 (устн.), 60. Также о веснѣ не упоминается: у Романова въ Бѣлорус. сб. №№ 30—32, также въ вар. г. Маркова, запис. въ Зимн. Золот. (близокъ къ Бзс. № 56), и въ вариантѣ запис. А. Е. Грузинскимъ въ Рѣчицк. у. Минск. губ. отъ слѣпца Романа.

въ пустынь и изъ нея выйти. Въ этомъ случаѣ, естественно, иѣвцы должны были слова о выходѣ изъ пустыни вложить уже въ уста пустыни, которая, по плану стиха, не пускаетъ царевича въ свое нѣдро. Получался смыслъ: ты выйдешь вонъ и навеселишься, меня покинешь. Въ результатѣ, въ видѣ мотивировки, весна должна была трактоваться въ смыслѣ соперницы-соблазнительницы ¹⁷⁾.

Итакъ духовный стихъ объ Иоасафѣ царевичѣ и его разговорѣ съ пустыней въ своемъ первоначальномъ видѣ, по моему, не противопологалъ красоту природы и ея весенній расцвѣтъ и наслажденіе ею религіозному идеалу русскаго отшельника.

Этотъ же возстановляемый текстъ стиха показываетъ также, что художественный образъ пустыни, увитой травой и и цвѣтами (извѣстный изъ русскихъ иконописныхъ подлинниковъ, но восходящій черезъ Византію къ античной традиціи) вполне согласовался съ религіозно-художественными представленіями народа. Притомъ образъ прекрасной пустыни имѣлъ въ этомъ же духовномъ стихѣ *свое полное и ясное выраженіе*, а не только „проносился неволью въ мечтахъ иѣвца подъ видомъ прекрасной ея соперницы весны“, какъ объяснялъ Буславъ ¹⁸⁾.

Юрій Соколовъ.

¹⁷⁾ Въ учебникахъ русской словесности мы обыкновенно встречаемъ изложеніе духовнаго стиха объ разговорѣ Иоасафа съ пустыней. Но составители учебниковъ, совсѣмъ не касаясь исторіи стиха, ограничиваются изложеніемъ какого-нибудь произвольно выбраннаго варианта, или прибѣгаютъ къ произвольной компиляціи нѣсколькихъ вариантовъ. Такъ, напр., Порфирьевъ (въ Истории русск. слов., ч. I, изд. 3-е, Каз. 1879, стр. 327), видимо, желая сгладить противорѣчія между вариантами компилируетъ перепѣвы, принадлежащіе къ двумъ различнымъ группамъ. Приведя по № 50 слова пустыни о веснѣ (нашу формулу В), онъ прибавляетъ: „отвѣчая на это (!?) Иоасафъ говоритъ“, и далѣе Порфирьевъ приводитъ формулу А по вар. № 52. Такой искусственной комбинаціи мы, въ дѣйствительности, ни въ одномъ перепѣвѣ не встречаемъ. Подобнымъ же образомъ соединяетъ двѣ различныя редакціи духовнаго стиха и В. В. Сицовскій въ введеніи къ своему изданію: „Русскія повѣсти XVII—XVIII вв.“ Спб. 1905 г., I, стр. XXXI.

¹⁸⁾ Бусл. Ист. Оч. II, стр. 86.

F

24.058